

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК HISTORY OF PHILOSOPHY, SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

УДК 1 (091); 101.1:316; 130.1

DOI 10.52575/2712-746X-2024-49-4-629-641

Развилки личной истории Сергея Булгакова: к марксизму

¹ Овсянников А.В., ² Ольхов П.А.

¹ Орловский государственный институт культуры,

Россия, г. Орёл, 302020, ул. Лескова, д. 15

² Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Россия, г. Белгород, 308015, ул. Победы, д. 85

andreyorel@mail.ru

Аннотация. Фигура С.Н. Булгакова уже давно привлекает внимание историков русской мысли, однако ранний (марксистский) период его творчества находится на периферии исследовательского интереса. Авторы задаются вопросами о причинах такого положения, о месте, которое марксизм занимал в интеллектуальной биографии Булгакова, о специфике его восприятия русским мыслителем. В исследовании рассмотрены обстоятельства его обращения в марксизм, а также проанализированы его ранние экономические работы. Сделан вывод о том, что в этих работах в зачаточном виде присутствуют интеллектуальные тренды, которые получают развитие в более поздних текстах Булгакова, а их смысловое поле расположено в области общей социальной теории, на границе между экономической наукой, социологией, социальной философией и философской антропологией.

Ключевые слова: освободительное движение, ревизия марксизма, легальный марксизм, секулярная религия, социальная философия, философская антропология

Для цитирования: Овсянников А.В., Ольхов П.А. 2024. Развилки личной истории Сергея Булгакова: к марксизму. *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*, 49(4): 629–641. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-4-629-641

Turning Points in the Personal History of Sergei Bulgakov: To Marxism

¹ Andrey V. Ovsyannikov, ² Pavel A. Olkhov

¹ Oryol State Institute of Culture,

15 Leskov St, Oryol 302020, Russian Federation

² Belgorod State National Research University

85 Pobedy St, Belgorod 308015, Russian Federation

andreyorel@mail.ru

Abstract. The personality of S.N. Bulgakov and his works have long attracted the attention of researchers of Russian intellectual history, though the Marxist period of his biography does not arouse much interest. The authors attempt to find reasons for this situation and discuss the significance of Marxist ideas for Bulgakov and his perception of this theory. The study examines the circumstances of his conversion to Marxism and analyzes his early economic works. The research allows a conclusion that these works contain the beginnings of ideas that will be developed in

subsequent texts by Bulgakov, their topics are interdisciplinary, relate to social theory and cross the boundaries between economic science, sociology, social philosophy, and philosophical anthropology.

Keywords: liberation movement, revision of Marxism, legal Marxism, secular religion, social philosophy, philosophical anthropology

For citation: Ovsyannikov A.V., Olkhov P.A. 2024. Turning Points in the Personal History of Sergei Bulgakov: To Marxism. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 49(4): 629–641 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-4-629-641

Введение

Фраза «от марксизма к идеализму» давно уже стала общим местом в работах по истории отечественной философии, превратилась в формулу, описывающую теоретическую, мировоззренческую и жизненную траекторию ряда российских интеллектуалов. Автор этой формулы, Сергей Булгаков, использовал ее для описания собственной жизненной коллизии.

Фигура С.Н. Булгакова (1871–1944) уже давно находится в фокусе внимания исследователей, как отечественных, так и зарубежных. Однако внимание это распределяется крайне неравномерно. Так, тема «Булгаков и марксизм» оказалась на периферии исследовательского интереса. Марксистский период его биографии констатируется, но не подвергается сколько-нибудь глубокой исследовательской разработке [Зандер, 1948; Лосский, 1991; Зеньковский, 1999; Евлампиев, 2000]. И дело здесь не в недостаточном количестве источников, а, скорее, в исходной установке: тексты, созданные «поздним» Булгаковым, априори признаются более зрелыми, более совершенными в сравнении с теми, которые создавались на начальном этапе его творческой активности, а значит и более важными в деле интерпретации его идейного наследия, а сами поздние этапы жизненного пути оказываются мерилем, смотровой площадкой, с которой исследователь обзревает этот жизненный путь. Исследователь наблюдает за своим героем *из будущего*, уже зная все повороты и итог его биографии. Он *уже знает*, что экономист «левых» взглядов Сергей Николаевич Булгаков превратится в богослова и православного священника отца Сергия, основателя Свято-Сергиевского института в Париже, белоэмигранта и врага Советской власти. В данной системе координат ранние этапы жизни и творчества мыслителя маркируются как *всего лишь* подготовительные ступени – «проба пера», «плод ветреной юности», нечто временное и почти случайное, то, что было перечеркнуто дальнейшей жизнью и тем самым обесценилось. Показательна формула «временные марксисты» [Кареев, 1996, с. 226].

Нам представляется, что гораздо более продуктивной является оптика, в которой ранние и последующие этапы равноправны в глазах исследователя, в которой биографическая траектория не выводится из перспективы и не трактуется как нечто ею предопределенное. Такая оптика (с известными оговорками) допускает сослагательное наклонение применительно к интеллектуальной истории. В нашем случае это означает, что исход Булгакова из марксизма и разрыв с социал-демократией не был неизбежным и предрешенным, как не была предрешена его теологическая и клерикальная будущность. Мы предлагаем отказаться от трактовки марксистского этапа интеллектуальной биографии Булгакова как чего-то незрелого и предварительного. Вполне правомерна интерпретативная рамка, в которой его ранние работы прочитываются как комментарий к поздним этапам его творчества, тем более что вряд ли можно всерьез говорить о полной аннигиляции марксистского (шире – социалистического, «левого») сегмента «жизненного мира» Булгакова, несмотря на произошедшие в нём кардинальные сдвиги. Это тот самый случай, когда «бывших» не бывает.

Нам предстоит ответить на вопрос о месте, которое Маркс и марксизм занимали в интеллектуальной биографии Сергея Николаевича Булгакова. Какого рода марксизм он исповедовал? Чем он был для него? В качестве источниковой базы выступают тексты Булгакова, написанные и изданные в период с 1896 по 1900 год, а также посмертное издание его «Автобиографических заметок». Кроме того, особую значимость имеют социальные и культурно-исторические контексты, определившие специфику и общую направленность булгаковского дискурса указанного периода.

Посвящение в марксизм

У марксистского этапа биографии Сергея Булгакова, начало которого связано с его учебой в Московском университете в 1890–1894 годах, есть весьма примечательная предыстория. В его случае поступление в университет знаменовало не только выбор будущей профессии, но и разрыв с семейной традицией, с верой отцов и отцовским укладом жизни. Уроженец города Ливны, что в Орловской губернии, он был сыном местного священника («во мне течет левитская кровь шести поколений» [Булгаков, 1991, с. 34], напишет он впоследствии) и семинаристом-недоучкой. По окончании в 1884 году Ливенского духовного училища¹ Булгаков поступает в Орловскую духовную семинарию, которую, однако, оставляет в 1888 году по причине утраты религиозной веры. По его собственному признанию, в момент кризиса ему было 14 лет (то есть духовный перелом пришелся примерно на 1885 год) [Булгаков, 1991, с. 25, 34]. По прошествии многих лет, оценивая свой юношеский бунт против родителей крайне критично, как отступничество, Булгаков, тем не менее, напишет о том, что даже на Страшном Суде готов исповедовать «относительную и ограниченную, малую правду своего безбожия» [Булгаков, 1991, с. 25]. Что это значит? В чём состоит эта «малая правда»? По его мнению, искушения, «ереси» являются необходимыми условиями трагического (единственно достойного) пути спасения, «а от искушений не освобожден был праведный Иов и их не отрицался и сам Сын Божий, как Сын Человеческий» [Булгаков, 1991, с. 25].

В качестве основной причины своего атеизма Булгаков называет конфликт между высокими духовными запросами личности и религиозным официозом, «обывательством и порабощением духовным, которые изнутри проникали поры церковности», между «поэзией детства» и «прозой бурсачества и семинарии», между пробудившейся критической мыслью и «принудительным благочестием» [Булгаков, 1991, с. 26–27]. Юному максималисту разрыв с православием тогда казался единственным выходом из духовного тупика. Однако «малую правду» своего тогдашнего безбожия будущий религиозный философ и богослов усматривает не только в неконформизме, в готовности отстаивать свои принципы. В поздних интерпретациях перелома, случившегося в душе семинариста Сергея Булгакова, он придерживается расширительной трактовки религии и религиозности. Здесь атеизм оказывается своего рода *верой*, пусть и «слепотствующей», превращенной формой религиозного чувства. Именно так он оценивает свой духовный опыт [Булгаков, 1991, с. 25–26, 32]. В этой системе координат выбор марксизма лишь отчасти связан с его теоретическими достоинствами. В первую очередь – это выбор веры, которая могла бы стать альтернативой бездуховности, мещанству. В письме С.А. Венгерову (1913) мы находим следующее признание: «Увлечение социализмом, воспринятым как религия общественности, сделало меня политикоэкономом, ибо политическая экономия (в марксизме) фактически для меня сделалась как бы богословием, как и для многих в наше время...» (цит. по: [Колеров, 2023, с. 22]).

При описании своего «падения» Булгаков особое внимание уделяет фактору социальной среды, а именно – интеллигенции. Ее роль в судьбе страны и самого автора двойится: с одной стороны, она – ложный кумир, «проклятие нашей родины», «искушение

¹ Ныне в здании училища располагается Лицей им. С.Н. Булгакова.

от нигилизма», «интеллигентщина». В то же время у интеллигенции есть и позитивное измерение (в этом случае Булгаков использует выражение «прогрессивная общественность»): причастность к ней позволяет сохранить «непримиримость к раболопству и порабощенности», «непримиримость ко всякому тоталитаризму», «верность началам свободы и хранения человеческого достоинства» [Булгаков, 1991, с. 27]. Если обращение в марксизм было обретением новой веры, то интеллигенция (не столько реальная, сколько воображаемая) была аналогом Церкви, общины верных, коллективного вместилища истины. В автобиографических экскурсах Булгакова мы имеем дело с одной из ранних версий концепции «секулярной религии».

Перед подающим надежды семинаристом стояла перспектива поступления в духовную академию, однако он выбирает светское образование. Булгаков продолжает обучение в Елецкой гимназии¹, успешное окончание которой позволило ему в 1890 году поступить в Московский университет. Выбор пал на юридический факультет, где он специализируется в области политической экономии, становится учеником А.И. Чупрова, авторитетного экономиста и статистика. Позже Булгаков будет объяснять свой выбор не естественной склонностью, а следованием чувству долга: «"Приносить пользу", служить человечеству, прогрессу, научной мысли, к которой всегда лежала моя душа. <...> В этом выборе я явился... жертвой интеллигентской стадности, пойдя вопреки собственному влечению. Меня влекла область филологии, философии, литературы, я же попал на чуждый мне юридический факультет в известном смысле для того, чтобы тем спасти отечество от царской тирании, конечно, идейно. А для этого надо было посвятить себя социальным наукам, как каторжник к тачке, привязав себя к политической экономии. <...> Я вступил в Университет с заранее определенным намерением – посвятить себя мне чуждой науке, и этот план я и исполнил...» [Булгаков, 1991, с. 35–36]. В изображении Булгакова поступление в университет, выбор факультета и научной специализации предстают как доходящее до экзальтации претворение в жизнь идеи социального служения, как своего рода жертвоприношение на алтарь народного блага.

Вероятнее всего, до поступления в университет Булгаков имел весьма смутное представление об учении К. Маркса. Судя по мемуарам, его юношеские взгляды представляли собой своеобразное стихийное народничество, не столько интеллектуальное, сколько эмоциональное неприятие царящей в обществе несправедливости [Булгаков, 1991, с. 14–15]. Этому стихийному правдоискательству еще только предстояло оформиться в систему убеждений, а в этом деле трудно переоценить роль социальной среды. Булгаков становится членом Елецкого землячества, которое выступило по отношению к неофиту в роли проводника в новую реальность – в мир радикального студенческого движения и марксистских кружков [Колеров, 2023, с. 22]. Другое судьбоносное знакомство – с семьей Водовозовых, известных в Москве интеллектуалов и просветителей «левого» толка – случилось в 1895 году, уже по окончании Булгаковым университета [Колеров, 2023, с. 24]. Николай Васильевич Водовозов – рано ушедший из жизни публицист, популяризатор экономической науки и социалистических идей, которому Булгаков посвятил проникновенный некролог [Булгаков, 2006д]. Его жена, Мария Ивановна Водовозова – книгоиздательница, которая первой в России начнет легально публиковать марксистскую литературу². Писательница Елена Ивановна Токмакова – родная сестра М.И. Водовозовой, впоследствии станет супругой Булгакова. Инкорпорации Булгакова в марксистскую среду способствовало также его участие в деятельности демократических общественных организаций (Московского юридического общества, Московского психологического общества, Комитета Грамотности и т.п.), существовавших легально, но фактически являвшихся центрами притяжения оппозиционной интеллигенции [Колеров, 2023, с. 25–26].

¹ В данный период Елец входил в состав Орловской губернии.

² Именно в издательстве М.И. Водовозовой выйдут первые книги С.Н. Булгакова («О рынках») и В.И. Ленина («Развитие капитализма в России»).

«Левый» поворот в биографии Булгакова протекал в специфических социально-исторических обстоятельствах. В 1890-е годы марксизм вступает в свой золотой век, который продлится вплоть до Первой мировой войны (эпоха II Интернационала) [Шацкий, 2018, с. 12–18; Kołakowski, 1989, s. 357–380]. Именно в это время из маргинального феномена он превращается едва ли не в мейнстрим, становится знаменем набирающей силу социал-демократии, проникает в академическую среду. Тогда многим на Западе и в России казалось, что марксизм «обладает бесконечным потенциалом для осуществления социального анализа и социальных перемен» [Евтухова, 2021, с. 55]. На те же годы пришлось и оживление российского освободительного движения, последовавшее после десятилетия «подморозки», осуществленной Александром III. В условиях возвращения моды на левые идеологии марксизм оказался одной из наиболее привлекательных альтернатив [Карпи, 2016]. Важным фактором популярности марксизма на российской почве явился также своеобразный германизм, бывший родовой чертой интеллектуальной жизни петербургского периода. Без учета этого обстоятельства мы не поймем того абсолютного доверия, того энтузиазма, с которыми российский читатель принимал немецкую интеллектуальную продукцию. Маркс (подобно Гегелю, Шеллингу, Шопенгауэру, Э. Гартману, Ницше, Канту, Маху) будет воспринят как наставник не только в деле мышления, но и в переустройстве самой жизни.

Еще одно важное обстоятельство – наметившееся в марксистской среде неформальное разделение на ортодоксов и ревизионистов. Призывы к творческому переосмыслению идейного наследия Маркса стали раздаваться вскоре после его кончины [Ойзерман, 2005]. Неоднозначную роль в этом процессе сыграл сооснователь учения и движения Ф. Энгельс, который, с одной стороны, позиционировал себя в качестве хранителя канона, но с другой – ратовал за пересмотр некоторых принципиальных положений исторического материализма. В первую очередь это относится к его заявлениям о том, что изменившиеся условия требуют отказаться от вооруженной борьбы в пользу легальной деятельности: «Восстание старого типа, уличная борьба с баррикадами... в значительной степени устарела. <...> Прошло время внезапных нападений, революций, совершаемых немногочисленным сознательным меньшинством, стоящим во главе бессознательных масс. <...> Ирония всемирной истории ставит всё верх ногами. Мы, "революционеры", "ниспровергатели", мы гораздо больше преуспеваем с помощью легальных средств, чем с помощью нелегальных или с помощью переворота» [Энгельс, 1979а, с. 204, 208, 210]. Кроме того, Энгельс допускает чрезвычайно важные оговорки, касающиеся соотношения между базисом и надстройкой, «производством и воспроизводством самой жизни» и «духовным производством». Так, он оспаривает прямолинейные трактовки исторического материализма в духе экономического детерминизма, допуская относительную автономию духовной жизни по отношению к хозяйственному укладу и даже возможность обратного воздействия надстройки на базис [Энгельс, 1979б; Энгельс, 1979в; Энгельс, 1979г]. Таким образом, наиболее авторитетный марксист фактически санкционирует ревизию идейного наследия Маркса. Переосмысление осуществлялось по двум направлениям. В первую очередь предпринимались попытки приспособить общетеоретические и идеологические построения марксизма к конкретно-историческим реалиям. Другое направление представлено попытками дополнить учение Маркса идеями, заимствованными из иных, немарксистских источников.

Поначалу взгляды Булгакова-марксиста были вполне ортодоксальными, о чём свидетельствует его позиция в прениях о докладе Н.В. Водовозова «Учение Мальтуса о народонаселении» [Водовозов, 1907, с. 176–246], который прозвучал на заседании Московского юридического общества 20 ноября 1895 года. Он обвинил докладчика (к слову, своего будущего свояка) в ревизии учения Маркса, в частности в биологизаторстве. На возражение Водовозова («оппонент повторяет абстрактные

положения Маркса о ненаучности перенесения биологических законов в социологию, к сожалению, не прибавляя к этому положению ни одного нового слова и не подкрепляя его никакими доказательствами») Булгаков ответил следующим образом: «Указание на то, что оппонент не прибавил ничего нового к положению Маркса, вряд ли может быть обращено в упрек. Иногда отсутствие нового слова лучше, чем присутствие его» [Колеров, 2023, с. 25]. Весьма красноречивое свидетельство. Однако в скором времени Булгаков сам окажется в лагере ревизионистов.

Для корректной интерпретации идейных позиций Сергея Булгакова в указанный период потребуется обращение к феномену «легального марксизма», причастность к которому сказала и на проблемном поле его теоретических разработок, и на стиле его теоретизирования [Mendel, 1961; Kindersley, 1962; Kołakowski, 1989, s. 655–663; Ойзерман, 2005, с. 325–398; Валицкий, 2013, с. 463–468; Walicki, 2015, p. 678–691]. Использование этого выражения в исследовательской практике должна предварять оговорка принципиального характера: следует помнить о том, что, хотя со временем оно стало использоваться преимущественно нейтрально, первоначально, с подачи В.И. Ленина, оно имело явные негативные коннотации, обозначая неподлинную, искаженную версию марксизма [Ангарский, 1925; Ленин, 1973]. К числу «легальных марксистов», наряду с Булгаковым, относят Н.И. Зиберу (который стоит несколько особняком, так как вступил на этот путь намного раньше остальных, еще в 1880-е годы), П.Б. Струве, М.И. Туган-Барановского, Н.А. Бердяева, С.Л. Франка, А.С. Изгоева. Все они занимались распространением марксистских идей на законных основаниях в условиях цензурных ограничений. В этом отношении они отличались от находившихся на нелегальном положении «революционных» марксистов. Обратной стороной легальности был отказ от радикальных заявлений и активное использование эзопова языка при обращении к актуальной российской повестке. «Легальные марксисты», хотя и находились в постоянном общении и даже время от времени инициировали совместные проекты, не были сколько-нибудь сплоченной группой; скорее наоборот, «их общение в основном сводилось к яростной полемике, в которой каждый из них отстаивал свои личные убеждения» [Евтухова, 2021, с. 54]. Таким образом, за выражением «легальный марксизм» стоит не столько консолидированное общественное движение, сколько идейная платформа.

Исследователь капиталистической экономики

В 1895–1896 годах Булгаков публикует несколько небольших работ, в основном рецензий, однако они вряд ли могут претендовать на сколько-нибудь весомый вклад в социальную теорию. Как самостоятельная фигура он заявляет о себе статьей «О закономерности социальных явлений», которая была опубликована в «Вопросах философии и психологии» (1896) и впоследствии вошла в сборник «От марксизма к идеализму» (1903) [Булгаков, 2006б]. Выше мы отмечали, что ревизия идейного наследия Маркса шла по двум направлениям; в булгаковских работах мы обнаруживаем присутствие обеих тенденций. В то время сам Булгаков был склонен объяснять необходимость ревизии преждевременной кончиной основателя исторического материализма и связанной с этой незавершенностью проекта: «Перо выпало из рук Маркса прежде, чем он успел закончить свое исследование законов эволюции капиталистического общества» [Булгаков, 2006а, с. 256]. Вместе с тем в незаконченности он видит знак принципиальной открытости марксизма и его «способности к дальнейшему развитию» [Булгаков, 2006а, с. 255].

В центре нашего внимания окажутся работы Булгакова, представляющие собой исследования специфики капиталистического уклада. (Теме ревизии мировоззренческих и общетеоретических оснований марксизма в булгаковских текстах мы планируем посвятить одну из наших будущих статей.) На рубеже XIX–XX веков вопросы о природе

капитализма и его издержках, о способах решения «социального вопроса» оказались в фокусе общественных дискуссий и научных исследований. Свой вариант ответа предложили российские народники. «Марксово описание жестокостей, сопровождавших первоначальное накопление капитала и индустриальную революцию, ужаснуло народников и утвердило их в убеждении, что цена, которую придется заплатить за капиталистический прогресс, слишком высока и все усилия должны быть направлены на то, чтобы Россия сумела избежать капитализма» [Валицкий, 2013, с. 433]. Формирование российского марксизма как системы идей и российской социал-демократии как движения происходило в полемике с интеллектуалами из народнического лагеря. Булгаков стал участником спора о рынках, одной из фокусных дискуссий «левой» интеллектуальной среды, являвшейся частью большой дискуссии о путях развития России. Обсуждался вопрос о необходимости внешних рынков для нормального функционирования капиталистической экономики. Именно этой теме посвящена первая книга Булгакова, вышедшая в 1897 году [Булгаков, 1897]. В ней он оппонирует В.П. Воронцову и Н.Ф. Даниэльсону, считавшим, что отсутствие у России внешних рынков является одной из важнейших причин, по которой здесь невозможно построение полноценного капитализма. В ходе проведенного исследования Булгаков пришел к противоположному выводу: «Капитализм может существовать, при известных условиях, исключительно внутренним рынком, нет внутренней необходимости, свойственной капиталистической форме производства, необходимости, в силу которой только внешний рынок может поглотить избытки капиталистического производства» [Булгаков, 1897, с. 3]. По его мнению, Россия относится к числу тех стран, которые, «благодаря богатству и разнообразию естественных производительных сил, могут обходиться без ввоза. В таких странах капитализм может развиваться на основе внутреннего, им самим создаваемого рынка» [Булгаков, 1897, с. 260].

Вероятнее всего, сам Булгаков в тот момент не осознавал всю опасность своего предположения для марксистской ортодоксии в ее российском изводе. «Как ни странно, уже в этой ранней работе, написанной... в таком несомненно марксистском ключе, Булгаков начал подкапываться под положения, на которых она основывалась. Если Булгаков был прав и в России богатые природные ресурсы и высокоразвитая внутренняя торговля могли стать основой для быстрого экономического роста, то под сомнение ставился целый ряд общепринятых истин, причем исповедуемых не только марксистами, но и русской интеллигенцией в целом. Прежде всего, была ли Россия действительно такой отсталой, как утверждали марксисты и народники? Неужели ее природные богатства, ее бескрайние и богатые имперские просторы, оживленные рынки и связывающие Восток и Запад торговые пути не могли стать очевидным преимуществом, компенсирующим явное отставание во внешней торговле и промышленном развитии?» [Евтухова, 2021, с. 59]. Критикуя народнических экономистов по частному поводу, *номинально* признавая неизбежность прохождения Россией капиталистической стадии развития, Булгаков *фактически* проводит мысль если не об «особом пути», то, по крайней мере, о существенных проблемах, возникающих при соединении претендующих на универсальность марксистских схем с российским эмпирическим материалом, и о вытекающей отсюда необходимости коррекции этих схем.

Эта тенденция получит развитие в статье «К вопросу о капиталистической эволюции земледелия», опубликованной в 1899 году в журнале «Начало». Актуальность обращения к теме диктовалась не только теоретическим интересом, но и системными проблемами, обусловленными «догоняющим» характером развития капиталистической экономики в России. Особенно всколыхнули общественное мнение аграрный кризис и связанный с ним массовый голод 1891–1892 годов [Robbins, 1975; Simms, 1982a; Simms, 1982b]. Булгаков констатирует отсутствие теоретического объяснения капитализма в сельском хозяйстве с позиций исторического материализма: «...Здесь существует зияющая пустота, которую

жизнь и наука одинаково велят заполнить» [Булгаков, 2006а, с. 258]. В то же время механический перенос на аграрные феномены теоретических схем, использующихся при объяснении промышленного развития, недопустим. Отсутствие у Маркса внятной теории аграрного капитализма, а также присутствие в его работах «ошибочных представлений, навеянных впечатлением преходящего исторического момента и уже достаточно опровергнутых историей» [Булгаков, 2006а, с. 256], Булгаков объясняет следующим образом. Во-первых, Маркс застал «детство» и «молодость» аграрного капитализма, а не его «зрелый возраст», разница между которыми весьма существенна. Во-вторых, Маркс строит универсальные объяснительные модели почти исключительно на британском материале, в то время как «Англия, оказавшаяся в высшей степени пригодной для изучения менее сложной и более однообразной эволюции промышленности, была как раз наименее типичной страной для изучения аграрной эволюции...» [Булгаков, 2006а, с. 257]. По Булгакову, «для земледелия нет тех простых и однообразных типов, какие наблюдаются относительно обрабатывающей промышленности... Эволюция капиталистического земледелия в высокой степени индивидуальна». Поэтому «в лучшем случае Англия настолько же нетипична для капиталистического развития земледелия, как и всякая другая страна» [Булгаков, 2006а, с. 257]. В качестве третьей причины неудовлетворительного состояния Марксовой теории аграрного капитализма Булгаков называет скудость источниковой базы по данному вопросу, в частности официальной статистики [Булгаков, 2006а, с. 257].

Статья «О некоторых основных понятиях политэкономии» (1898) знаменовала участие Булгакова в полемике, развернувшейся после выхода третьего тома «Капитала». С одной стороны, автор стоит на страже трудовой теории ценности¹ в ее противостоянии меновой (коммерческой) теории: «...Трудовая теория ценности и связанная с ней теория прибавочной ценности... составляют *единственно возможное и совершенно необходимое* средство научного понимания экономических явлений. Поэтому *не-трудовые* теории ценности... не имеют никакого значения для экономической науки и как экономические теории совершенно несостоятельны» [Булгаков, 2006в, с. 203]. С другой стороны, Булгаков признает частичную правоту критиков Маркса, обнаруживших противоречие между некоторыми положениями первого и третьего томов «Капитала». Он соглашается с тем, что противоречие есть, но оговаривается, что это не *логическое* (что свидетельствовало бы о научной несостоятельности трудовой теории), а «лишь *фактическое* противоречие двух тенденций, одновременное и полное проявление которых несовместимо между собой» [Булгаков, 2006в, с. 253]. Маркса нельзя упрекать за то, что принятие его точки зрения позволяет обнаружить противоречивые тенденции *в самом обществе*. Согласно Булгакову, отмечаемое критиками Маркса противоречие является «счастливой особенностью» его учения. «Ибо "противоречие" есть гигантский указательный палец, показывающий, куда надо устремить главное внимание, в чём надо видеть главный смысл и особенности Марксова учения и как *не надо* его понимать. Если бы знаменитого "противоречия" не было в Марксовой системе, она выиграла бы не в логической стройности, а лишь в простоте и понятности» [Булгаков, 2006в, с. 253].

Двухтомник «Капитализм и земледелие» (1900) воспроизводит основные положения магистерской диссертации Булгакова, защита которой состоится в Московском университете годом позже. Для сбора материала (а работа написана исключительно на зарубежном материале) автор отправляется в поездку по Германии, Франции и Великобритании, которая продолжалась с января 1898 по апрель 1900 года. Выход книги и защита диссертации позволили восходящей звезде российской политэкономии получить должности экстраординарного профессора в Киевском политехническом институте

¹ В советское время немецкое слово Wert было принято переводить как «стоимость», в то время как в дореволюционный период оно чаще переводилось как «ценность». Отсюда «трудовая теория ценности», «прибавочная ценность» и т. п.

и приват-доцента в Университете Святого Владимира. Автор «Капитализма и земледелия» продолжает разработку всё той же темы – о возможности применения предложенных Марксом аналитических моделей в конкретных случаях. На примере этой книги мы наблюдаем, как баланс между апологией экономической доктрины марксизма и критикой, типичный для текстов «раннего» Булгакова, нарушается в пользу критики. Исследовательским кейсом, как явствует из названия, становится функционирование аграрной экономики в условиях капиталистической формации. В своих выводах Булгаков достаточно категоричен: диагноз Маркса обладает «относительной правотой» лишь применительно к промышленности, но не к земледелию. И даже применительно к промышленности он грешит упрощением и схематизацией [Булгаков, 1900, т. 2, с. 455]. Одной из причин указанных несовершенств является англоцентризм Марксовой оптики: его диагностика и прогностика основаны «на наблюдениях над развитием английского капитализма... эпохи английской супрематии, момента высшего развития товарного экспорта. Капиталистическое развитие всех прочих стран и связанные с ним изменения в мировом рынке – всё это пришло позже». По той же причине он «незаконно игнорировал зависимость Англии от других стран» [Булгаков, 1900, т. 2, с. 456–457]. Абсолютизация Марксом британского кейса не могла не привести к искажению общей картины развития капитализма.

В «Капитализме и земледелии» намечена еще одна линия, которая получит развитие в более поздних текстах Булгакова – критика историцизма. По его мнению, претензии исторического материализма на выдвижение долгосрочных прогнозов находятся в ряду «осмеянных историей близорукостей, какими были старинные попытки заглянуть в будущее». Ошибку Маркса Булгаков склонен объяснять в том числе «его переоценкой действительных способностей и значения социальной науки, границ социального познания. Он считал возможным мерить и предопределять будущее по прошлому и настоящему, между тем каждая эпоха приносит новые факты и новые силы исторического развития, – творчество истории не оскудевает. Поэтому всякий прогноз относительно будущего, основанный на данных настоящего, неизбежно является ошибочным. Строгий ученый берет здесь на себя роль пророка или прорицателя, оставляя твердую почву фактов» [Булгаков, 1900, т. 2, с. 457–458]. Ученый-обществовед должен сделать выбор между честным признанием собственной ограниченности и «социальным знахарством». Он должен сказать себе: «Завеса будущего непроницаема. Наше нынешнее солнце освещает лишь настоящее, бросая косвенный отблеск на прошлое. Этого достаточно для нас, для нашей жизни, для злорадия нашего дня и его интересов» [Булгаков, 1900, т. 2, с. 458].

Характеризуя «Капитализм и земледелие», исследователи отмечают «неудобочитаемость» и «перенасыщенность информацией», «неуверенную интонацию», «поразительно наивные высказывания» и ошибочность некоторых выводов [Евтухова, 2021, с. 60–61]. Далеко не все предположения Булгакова прошли проверку временем. Так, например, не подтвердились его гипотезы о возрастании значения внутренних рынков в сравнении с внешним по мере развития капитализма и о переориентации промышленно развитых стран на аграрное производство. Вместе с тем книга «Капитализм и земледелие» содержит ряд интересных положений, которые в дальнейшем станут фундаментом социальной философии Булгакова. В первую очередь это идея сущностного различия между индустриальным и аграрным производством. «Особенности почвы, основные характеристики которой определялись независимо от человеческого труда и способов ее обработки, и имеющая отдельную значимость метафизическая зависимость человека от природы – в отличие от промышленности, где он мог в полной мере чувствовать себя хозяином, – в конечном счете препятствовали полномасштабному действию законов усиления концентрации капитала» [Евтухова, 2021, с. 62]. По Булгакову, эта зависимость человека от природы наиболее последовательно проявлена в «законе убывающего плодородия почвы», действие которого он сравнивает с «иглом» [Булгаков, 1900, т. 2, с. 454].

Заслуживают внимания рассуждения Булгакова о крестьянине как о хозяйствующем субъекте. Он уличает Маркса в предвзятом отношении к крестьянству: Марксов аграрный дискурс представляет собой не холодный беспристрастный анализ, а обвинение в адрес огромной социальной общности. Обвинение в том, что самим фактом своего существования крестьянство ломает предложенные им схемы. «...Вместо того, чтобы подвергнуть специальному исследованию, как определяются цены продуктов мелких производителей при меновых сношениях с капиталистическими производителями и из этого анализа вывести учение и критику этой формы хозяйства, Маркс предпочитает проецировать на крестьянское хозяйство понятия капиталистического; в результате критика сводится к порицанию крестьянского хозяйства за то, что оно не таково как капиталистическое, причем не обращается внимания, что земледелие вовсе не составляет нормального случая капиталистического производства» [Булгаков, 1900, т. 1, с. 157]. Маркс явно недооценил живучесть крестьянина в условиях капиталистической экономики. «Маркс просто не брал в расчет независимого крестьянина-собственника, который работал на себя и не был ни эксплуататором, ни пролетарием. Он... рассматривал мелкие крестьянские хозяйства как пережиток прошлого и предвидел их окончательное отмирание. В модели Маркса независимым крестьянским товаропроизводителем не было места рядом с капиталистами, хотя и через 33 года после публикации "Капитала" Булгаков повсеместно наблюдал их существование» [Евтухова, 2021, с. 64]. По мнению М.А. Колерова, тезис о жизнеспособности мелкого крестьянского хозяйства «послужил формированию нового интеллектуального поколения русских народников (социалистов-революционеров), отказавшихся от апологии общины в пользу утверждения перспектив "трудовой крестьянской собственности" (что в 1917 году стало основой для большевистского Декрета о земле, который обеспечил большевикам поддержку крестьянства)». Кроме того, идеи Булгакова об устойчивости мелкой собственности в аграрном секторе экономики со временем стали мейнстримом среди марксистов Германии и Австрии [Колеров, 2023, с. 29].

Хотя приведенные выше работы Булгакова по формальным признакам могут быть отнесены к сфере ведения экономической науки, по своей сути поставленные в них вопросы и сделанные выводы выходят за дисциплинарные границы в междисциплинарное поле. К этому располагают и некоторые особенности исторического материализма как исследовательской парадигмы, к которому, со всеми оговорками, тяготеют ранние работы Булгакова. Автора интересует не экономика *сама по себе*, как нечто относительно автономное и изолированное, а система связей и отношений, соединяющих ее с неэкономическими подсистемами общества. Начиная с рассмотрения экономических *явлений*, он приходит к анализу *сущности* хозяйства и хозяйствования. Смысловое поле ранних булгаковских работ расположено в пограничье между политической экономией, социологией и социальной философией – в области общей социальной теории. И то, что Булгаков (подобно Марксу) присваивает экономическим отношениям роль социальной доминанты, не отменяет того факта, что в его изображении сама экономика предстает многоаспектной и поистине универсальной общественной практикой, точкой схождения различных социальных импульсов. В зачаточном виде здесь обнаруживаются интеллектуальные тренды, которые получают развитие в работах позднего Булгакова, прежде всего, в «Философии хозяйства». В частности, мы находим здесь подступы к экономической *антропологии*, обнаруживаем постановку вопроса о человеке как *хозяйствующем существе*.

Список литературы

- Ангарский Н. 1925. Легальный марксизм. Вып. 1 (1876–1897 гг.). М., Недра, 143 с.
Булгаков С.Н. 1991. Автобиографические заметки. Париж, YMCA-Press, 166 с.
Булгаков С.Н. 1900. Капитализм и земледелие. В 2 т. СПб., Тип. и лит. В.А. Тиханова, 338 с., 458 с.
Булгаков С.Н. 2006а. К вопросу о капиталистической эволюции земледелия. В кн.: С.Н. Булгаков От марксизма к идеализму. Статьи и рецензии. 1895–1903. М., Астрель: 256–291.

- Булгаков С.Н. 2006б. О закономерности социальных явлений. В кн.: С.Н. Булгаков От марксизма к идеализму. Статьи и рецензии. 1895–1903. М., Астрель: 383–415.
- Булгаков С.Н. 2006в. О некоторых основных понятиях политической экономии. В кн.: С.Н. Булгаков. От марксизма к идеализму. Статьи и рецензии. 1895–1903. М., Астрель: 200–255.
- Булгаков С.Н. 2006г. От автора. В кн.: Булгаков С.Н. От марксизма к идеализму. Статьи и рецензии. 1895–1903. М., Астрель: 367–382.
- Булгаков С.Н. 2006д. Памяти Николая Васильевича Водовозова. В кн.: С.Н. Булгаков От марксизма к идеализму. Статьи и рецензии. 1895–1903. М., Астрель: 94–95.
- Булгаков С.Н. 1897. О рынках при капиталистическом производстве. Теоретический этюд. М.: Тип. А.Г. Кольчугина, 260 с.
- Валицкий А. 2013. История русской мысли от просвещения до марксизма. М., Канон+ РООИ «Реабилитация», 480 с.
- Водовозов Н. 1907. Экономические этюды. СПб., Тип. товарищества «Общественная польза», 507 с.
- Евлампиев И.И. 2000. История русской метафизики в XIX–XX веках. Русская философия в поисках Абсолюта. Часть II. СПб., Алетейя, 413 с.
- Евтухова Е. 2021. Серп и крест: Сергей Булгаков и судьбы русской религиозной философии (1890–1920). СПб., Academic Studies Press / Библиороссика, 400 с.
- Зандер Л.А. 1948. Бог и мир (Миросозерцание отца Сергия Булгакова). В 2 т. Т. 1. Париж, YMCA-Press, 479 с.
- Зеньковский В.В. 1999. История русской философии. В 2 т. Т. 2. Ростов-на-Дону, Феникс, 544 с.
- Кареев Н.И. 1996. Основы русской социологии. СПб., Изд-во Ивана Лимбаха, 368 с.
- Карпи Г. 2016. История русского марксизма. М., Common Place, 344 с.
- Колеров М.А. 2023. Революция и христианский социализм в России. С.Н. Булгаков в 1904–1907 гг. Калининград, Изд-во БФУ им. И. Канта, 256 с.
- Ленин В.И. 1973. Предисловие к сборнику «За 12 лет». В кн.: Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 16. М., Политиздат: 95–113.
- Лосский Н.О. 1991. История русской философии. М., Советский писатель, 480 с.
- Ойзерман Т.И. 2005. Оправдание ревизионизма. М., Канон+ РООИ «Реабилитация», 688 с.
- Шацкий Е. 2018. История социологической мысли. В 2 т. Т. 1. М., Новое литературное обозрение, 720 с.
- Энгельс Ф. 1979а. Введение к изданию 1895 года [работы К. Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.]. В кн.: Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. В 3 т. Т. 1. М., Политиздат: 193–212.
- Энгельс Ф. 1979б. Энгельс – Йозефу Блоху, 21 [-22] сентября 1890 г. В кн.: К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные произведения. В 3 т. Т. 3. М., Политиздат: 537–540.
- Энгельс Ф. 1979в. Энгельс – Конраду Шмидту, 5 августа 1890 г. В кн.: К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные произведения. В 3 т. Т. 3. М., Политиздат: 534–536.
- Энгельс Ф. 1979г. Энгельс – Конраду Шмидту, 27 октября 1890 г. В кн.: К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные произведения. В 3 т. Т. 3. М., Политиздат: 540–546.
- Kindersley R. 1962. The First Russian Revisionists: A Study of "legal Marxism" in Russia. London and New York, Oxford University Press, 260 p.
- Kořakowski L. 1989. Głównie nurty marksizmu. Część I. Warszawa, Wydawnictwo "Krağ", Wydawnictwo "Pokolenie", 434 s.
- Mendel A.P. 1961. Dilemmas of Progress in Tsarist Russia: Legal Marxism and Legal Populism. Cambridge, Mass., Harvard University Press, 310 p.
- Robbins R.G. 1975. Famine in Russia, 1891–1892. New York and London Columbia University Press, 259 p.
- Simms J.Y. 1982a. The Crop Failure of 1891: Soil Exhaustion, Technological Backwardness, and Russia's "Agrarian Crisis". *Slavic Review*, 41(2): 236–250. DOI: <https://doi.org/10.2307/2496341>
- Simms J.Y. 1982b. The Economic Impact of the Russian Famine of 1891–92. *The Slavonic and East European Review*, 60(1): 63–74.
- Walicki A. 2015. The Flow of Ideas. Russian Thought from the Enlightenment to the Religious-Philosophical Renaissance. Frankfurt am Main, Peter Lang, 876 p.

References

- Angarskij N. 1925. Legal Marxism. Issue 1 (1876–1897 gg.). Moscow, Publ. Nedra, 143 p. (In Russian).
- Bulgakov S.N. 1991. Autobiographical notes. Paris, Publ. YMCA-Press, 166 p. (In Russian).
- Bulgakov S.N. 1900. Capitalism and agriculture. Saint-Petersburg, Publ. Typography and lithography by V.A. Tikhanov, 338 p., 458 p. (In Russian).

- Bulgakov S.N. 2006a. On the question of the capitalist evolution of agriculture. In: Bulgakov S.N. From Marxism to idealism. Articles and reviews. 1895-1903. Moscow, Publ. Astrel: 256-291. (In Russian).
- Bulgakov S.N. 2006b. On the regularity of social phenomena. In: Bulgakov S.N. From Marxism to idealism. Articles and reviews. 1895-1903. Moscow, Publ. Astrel: 383-415. (In Russian).
- Bulgakov S.N. 2006c. On some basic concepts of political economy. In: Bulgakov S.N. From Marxism to idealism. Articles and reviews. 1895-1903. Moscow, Publ. Astrel: 200-255. (In Russian).
- Bulgakov S.N. 1897. About markets in capitalist production. A theoretical study. Moscow, Printing house of A.G. Kolchugin, 260 p. (In Russian).
- Bulgakov S.N. 2006d. From the author. In: Bulgakov S.N. From Marxism to idealism. Articles and reviews. 1895-1903. Moscow, Publ. Astrel: 367-382. (In Russian).
- Bulgakov S.N. 2006e. In memory of Nikolai Vasilyevich Vodovozov. In: Bulgakov S.N. From Marxism to idealism. Articles and reviews. 1895-1903. Moscow, Publ. Astrel: 94-95. (In Russian).
- Valickij A. 2013. The History of Russian Thought from Enlightenment to Marxism. Moscow, Publ. Canon+, 480 p. (In Russian).
- Vodovozov N. 1907. Economic studies. Saint Petersburg, Printing house of the association "Public benefit", 507 p. (In Russian).
- Evlampiev I.I. 2000. Istorija ruskoj metafiziki v XIX-XX vekah. Russkaja filosofija v poiskah Absoljuta [History of Russian metaphysics in the 19th-20th centuries. Russian philosophy in search of the Absolute]. Chast' II. Saint Petersburg, Aletheia, 413 p.
- Evtuhova E. 2021. Serp i krest: Sergej Bulgakov i sud'by ruskoj religioznoj filosofii (1890-1920) [Sickle and Cross: Sergei Bulgakov and the Fate of Russian Religious Philosophy (1890-1920)]. Saint Petersburg, Academic Studies Press / Bibliorossika, 400 p.
- Zander L.A. 1948. Bog i mir (Mirosozercanie otca Sergija Bulgakova) [God and the World (The Worldview of Father Sergiy Bulgakov)]. In 2 volumes. Vol. 1. Paris, YMCA-Press, 479 p.
- Zen'kovskij V.V. 1999. Istorija ruskoj filosofii [The History of Russian Philosophy]. In 2 volumes. Vol. 2. Rostov-on-Don, Publ. Phoenix, 544 p.
- Kareev N.I. 1996. Osnovy ruskoj sociologii [The Basics of Russian Sociology]. Saint Petersburg, Ivan Limbach Publ., 368 p.
- Karpi G. 2016. Istorija ruskogo marksizma [The History of Russian Marxism]. Moscow, Common Place, 344 p.
- Kolerov M.A. 2023. Revoljucija i hristianskij socializm v Rossii. S.N. Bulgakov v 1904-1907 gg. [Revolution and Christian Socialism in Russia. S.N. Bulgakov in 1904-1907] Kaliningrad, IKBFU Publ., 256 p.
- Lenin V.I. 1973. Preface to the collection "For 12 years". In: The Complete Works. Vol. 16. Moscow, Publ. of Political Literature: 95-113. (In Russian).
- Losskij N.O. 1991. Istorija ruskoj filosofii [The History of Russian Philosophy]. Moscow, Publ. "Soviet writer", 480 p.
- Ojzerman T.I. 2005. Opravdanie revizionizma [Justification of revisionism]. Moscow, Publ. "Canon+", 688 p. (In Russian).
- Shackij E. 2018. Istorija sociologicheskoy mysli [The history of sociological Thought]. In 2 volumes. Vol. 1. Moscow, Publ. "The New Literary Review", 720 p. (In Russian).
- Jengel's F. 1979a. Introduction to the 1895 edition. In: Marks K., Jengel's F. Selected works. In 3 volumes. Vol. 1. Moscow, Publ. of Political Literature: 193-212. (In Russian).
- Jengel's F. 1979b. Jengel's – Jozefu Blohu, 21 [-22] sentjabrja 1890 g. [Engels to Joseph Bloch, September 21 [-22], 1890] In: Marks K., Jengel's F. Izbrannye proizvedenija [Selected works]. In 3 volumes. Vol. 3. Moscow, Publ. of Political Literature: 537-540.
- Jengel's F. 1979c. Jengel's – Konradu Shmidtu, 5 avgusta 1890 g. [Engels to Konrad Schmidt, August 5, 1890] In: Marks K., Jengel's F. Izbrannye proizvedenija [Selected works]. In 3 volumes. Vol. 3. Moscow, Publ. of Political Literature: 534-536.
- Jengel's F. 1979d. Jengel's – Konradu Shmidtu, 27 oktjabrja 1890 g. [Engels to Konrad Schmidt, October 27, 1890]. In: Marks K., Jengel's F. Izbrannye proizvedenija [Selected works]. In 3 volumes. Vol. 3. Moscow, Publ. of Political Literature: 540-546.
- Kindersley R. 1962. The First Russian Revisionists: A Study of "legal Marxism" in Russia. London and New York, Oxford University Press, 260 p.
- Kołakowski L. 1989. The main currents of Marxism. Part I. Warszawa, Wydawnictwo "Krag", Wydawnictwo "Generenie", 434 p. (In Polish).

- Mendel A.P. 1961. *Dilemmas of Progress in Tsarist Russia: Legal Marxism and Legal Populism*. Cambridge, Mass., Harvard University Press, 310 p.
- Robbins R.G. 1975. *Famine in Russia, 1891-1892*. New York and London Columbia University Press, 259 p.
- Simms J.Y. 1982a. The Crop Failure of 1891: Soil Exhaustion, Technological Backwardness, and Russia's "Agrarian Crisis". In: *Slavic Review*, 41(2): 236-250. DOI:<https://doi.org/10.2307/2496341>
- Simms J.Y. 1982b. The Economic Impact of the Russian Famine of 1891-92. In: *The Slavonic and East European Review*, 60(1): 63-74.
- Walicki A. 2015. *The Flow of Ideas. Russian Thought from the Enlightenment to the Religious-Philosophical Renaissance*. Frankfurt am Main, Peter Lang, 876 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 20.05.2024

Received May 20, 2024

Поступила после рецензирования 26.08.2024

Revised August 26, 2024

Принята к публикации 30.11.2024

Accepted November 30, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Овсянников Андрей Владимирович, кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин, Орловский государственный институт культуры, г. Орёл, Россия.

Andrey V. Ovsyannikov, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities, Oryol State Institute of Culture, Oryol, Russia.

Ольхов Павел Анатольевич, доктор философских наук, профессор кафедры философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

Pavel A. Olkhov, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and Theology, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.